

ГАЛИНА НЕКРАСОВА (СЫКТЫВКАР)

**ВОКАТИВ ИЛИ ПОСЕССИВНЫЙ СУФФИКС:
К ИНТЕРПРЕТАЦИИ СУФФИКСАЛЬНЫХ СРЕДСТВ
ВЫРАЖЕНИЯ ВОКАТИВНОСТИ В КОМИ ЯЗЫКЕ**

Abstract. Vocative or Possessive Suffix: Interpretation of the Suffixal Means of Expressing Vocativity in the Komi Language

The paper is devoted to a general theoretical problem of interpretation of vocative forms in modern linguistics. On the basis of the analysis of suffixal means of vocativity expression in Komi dialects the author comes to the conclusion that the Komi language expresses vocativity by means of special vocative suffixes whose morphological properties are similar to those of inflectional suffixes.

Keywords: Komi language, vocativity, case, vocative, possessive suffixes.

Постановка задачи

Дискуссионным в теоретической лингвистике остается вопрос о статусе вокатива, при обсуждении которого наметились два противоположных мнения. Согласно одному, вокатив является падежной единицей, в соответствии с другим, он находится вне падежной системы (подробно об этом: Володин 1974 : 280; Клобуков 1986 : 19—23; Тираспольский 2003 : 79—83). Основываясь на интерпретации падежа как грамматической категории и учитывая общелингвистические признаки падежа, исследователи, придерживающиеся разных точек зрения, отмечают отличие вокатива от других падежей. В большинстве случаев подчеркивается неучастие вокатива в выражении грамматических отношений и его синтаксическая изолированность в структуре синтагмы. Исходя из отличительных свойств вокатива, сторонники первой точки зрения квалифицируют его как внесистемный падеж (Плунгян 2003 : 171) или относят его к дополнительным падежам, которые образуют периферию падежной системы (Клобуков 1986 : 21—24).

Разногласия в интерпретации статуса вокативных форм отмечаются и в коми языкознании. Попутные замечания о вокативе делались при исследовании отдельных грамматических единиц, однако авторы не общаются о своих взглядах на грамматический статус вокативных форм, включая их в перечень падежей¹ (Савваитов 1850 : 17; Лыткин 1889 : 5;

¹ Характерно для исследователей коми языка XIX в., на чем сказалась скорее всего русская грамматическая традиция того периода.

Sjögren 1830 : 156) или же суффиксов субъективной оценки (КПЯ 209; Сорвачева, Сахарова, Гуляев 1966 : 84; Сорвачева, Безносикова 1990 : 43). Наличие в коми языке специализированных вокативных форм, их омонимию с Px1Sg и номинативом отмечает Р. А. Микушев (1992 : 138). Согласно альтернативному мнению, представленному и в научной грамматике коми языка, при обращении в коми языке используются номинатив и Px1Sg, последний в этой функции приобретает ласкательное значение (ÖКК 57, 64; Бубрих 1949 : 57). Следует отметить аналогичную трактовку выражения вокативности в некоторых других финно-угорских языках: в грамматических описаниях указывается использование при обращении посессивного суффикса, преимущественно Px1Sg и Px1Pl, и номинатива, только в мансийском языке вокатив рассматривается как падежная единица (ГМЯ 161, 186; ГСУЯ 84, 92; Зайков 1999 : 37; Зайцева 1981 : 178, 228; Керг 1971 : 160; Ромбандеева 1973 : 44, 56; Тужаров 1987 : 65—66, 77).

Омонимическое совпадение номинатива и вокатива, отмечаемое во многих языках, не раз было предметом обсуждения в литературе, тогда как посессивные суффиксы, насколько нам известно, специально не рассматривались в связи с вокативностью. Существующие в финно-угроведении интерпретации средств выражения вокативности не дают однозначного ответа на вопрос, есть ли в коми языке специализированные вокативные формы или же их нет, выражается ли вокативность посессивным суффиксом или же вокативный суффикс омонимичен посессивному. Попытка ответить на этот вопрос предпринята в настоящей статье.

Материалом исследования послужили опубликованные диалектные тексты а также рукописный диалектный фонд, который хранится в Научном архиве Коми научного центра УрО РАН.

Посессивные суффиксы

Категория посессивности в системе субстантивного имени коми языка является проявлением специфики грамматического строя финно-угорских языков. Посессивные суффиксы ограничены в употреблении в вепском, карельском, ижорском языках, вышли из употребления в водском, эстонском и ливском, сохраняют стабильное функционирование в остальных языках, в том числе и в коми. В большинстве коми диалектов категория посессивности имеет полную парадигму, лишь в верхнесысольских и лузских говорах отмечается отсутствие суффикса Px1Sg, функцию которого выполняет преимущественно Px3Sg *-ыс* (Сажина 2004 : 57—58; 61). Суффиксы, кроме Px1Sg, в диалектах по структуре идентичны, различна лишь огласовка. Суффикс Px1Sg имеет вариативные формы: *-ым (-м)*, *-ö (-э)* и *-öй (-эй)*. *м-овый* показатель Px1Sg сохраняется по всей парадигме только в летских говорах, тогда как в остальных диалектах — только в части парадигмы: в инструментале, инессиве, элативе, иллативе, в отдельных диалектах также в пролативе, терминативе, аппроксимативе и эгрессиве, в вымском и среднесысольском sporadически встречается также в номинативе (посессивную парадигму склонения, см. Сажина 2004; ССКЗД) (экспоненты Px1Sg в номинативе см. в таблице) (Жилина 1975 : 62; 1985 : 39—40; 1998 : 61; Жилина, Бараксанов 1971 : 61; Колегова, Бараксанов 1971 : 32—33; Сахарова, Сельков 1976

: 50; Сахарова, Сельков, Колегова 1976 : 24; Сорвачева 1978 : 38; Сорвачева, Безносилова 1990 : 37; Сорвачева, Сахарова, Гуляев 1966 : 78; Сажина 2004 : 57; ССКЗД 467—468). Изоглосса суффикса *-ö* (*-э*) имеет прерывистую конфигурацию, объединяет коми-пермяцкие диалекты с северо-западными коми-зырянскими, изоглосса суффикса *-öï* (*-эй*) образует островной ареал, охватывающий центральные и восточные коми-зырянские диалекты. Вариативность посессивных показателей *-ö(-э)/-öï(-эй)* отмечается в присыктывкарском и среднесысольском диалектах.

Особенности, присущие коми посессивному склонению, находят аналогии в удмуртском языке: *м*-овый показатель *Rx1Sg* сохраняется в инструментале, иллативе, инессиве, элативе, эгрессиве, пролативе и терминативе, в большей части парадигмы представлен суффикс *-э* (ГСУЯ 88).

В синхронии диалекты пермских языков демонстрируют вариативность суффиксов *-ым* (*-м*) и *-ö/-э/-ы* в пределах парадигмы, что свидетельствует о прапермском наследии этого явления. Причиной развития вариативных форм послужило отпадение конечных гласных корневых и суффиксальных морфем, вследствие чего произошло формирование новых типов морфем (Некрасова 2000 : 54—61). При определении возможных центров иррадиации развития посессивного суффикса *-öï* и направления его продвижения необходимо исходить из наличия связанных изоглосс: имеется в виду параллельное существование этой формы. Такое явление находим в группе смежных и исторически связанных диалектов (см. таблицу), поэтому центром иррадиации суффикса был скорее всего среднесысольский, смежный с присыктывкарским и участвовавший в формировании верхневычегодского и печорского диалект (о формировании диалектов коми-зырянского языка см. Сахарова, Сельков, Колегова 1976 : 3—6; Сорвачева, Сахарова, Гуляев 1966 : 6; Ляшев 1985; Сажина 2004 : 26—28).

Суффиксы *Rx1Sg* и вокатива в коми-зырянских диалектах

Диалекты	вв.	вс.	вым.	л.	лет.	иж.	нв.	скр.	сс.	печ.	уд.
Суффиксы											
<i>Rx1Sg</i> номинатив	<i>-эй</i>	—	<i>-ö,</i> <i>-ым</i>	—	<i>-ым</i>	<i>-э</i>	<i>-ö/-э</i>	<i>-öï/-эй,</i> <i>-ö/-э</i>	<i>-öï,</i> <i>-ö,</i> <i>-ым</i>	<i>-öï</i>	<i>-ö</i>
вокатив	<i>-э,</i> <i>-эй</i>	<i>-öï,</i> <i>-о</i>	<i>-ö,</i> <i>-öï</i>	(?)	(?)	<i>-э</i>	<i>-ö/-э</i>	<i>-öï</i>	<i>-ö,</i> <i>-öï</i>	<i>-ö</i>	<i>-ö,</i> <i>-о,</i> <i>-öï</i>

Вокативные суффиксы

Изучение текстов, представляющих собой записи устной спонтанной и квазиспонтанной речи, показало, что для выражения вокативности в коми диалектах употребляются суффиксы *-ö* (*-э*), *-öï* (*-эй*), *-о*, а также бессуффиксальная и усеченная формы. Суффиксальные формы функционируют почти в каждом диалекте, не удалось их обнаружить только в лузско-летском. В верхнесысольском диалекте, где отмечается отсутствие *Rx1Sg*, спорадически встречается вокативный суффикс *-öï* (1, 2), ко-

торый чаще сочетается с суффиксом субъективной оценки *-ан*. В большинстве коми-зырянских диалектов вокатив имеет суффикс *-öй (-эй)*, в ижемском, нижневычегодском и печорском диалектах — суффикс *-ө (-э)*. Вариативность суффиксов *-ө (-э)*, *-öй (-эй)* наблюдается в верхневычегодском, среднесыольском и вымском диалектах, суффиксов *-ӧ, -о, -ӧй (-эй)* — в удорском диалекте (3, 4, 5, 6).

- (1) вс. (Кобра) *мэж-öй* [баран-Voc]: *м э ж ö й, м э ж ö й, по пыркн'итччы* 'баран, баран, встряхнись' (Жилина 259);
- (2) вс. *пи-йан-йас-öй* [сын-P12-P11-Voc]: *Сар п i я н ь я с ö й!* 'Царские сыновья!' (Цембер 15);
- (3) уд. (Важ.) *с'ӧдӧ-öй* [чернуха-Voc], *с'эрачӧ-öй* [пеструха-Voc]: «*С ь ö - д ö ö й, С е р а ч ö ö й!*» — *век горза* '«Чернуха, Пеструха!» — то и дело зову' (ОКЗР 247);
- (4) уд. (У.-В.) *ош-эй* [медведь-Voc], *пӧл'-эй* [дедушка-Voc]: *Митрей пондiс зарадитныс, а ме ӧласьны пондi, горза: «О ш е й-п ö л е й, кытьчи-я тэ сэтъчи локтин!»* 'Дмитрий стал заряжать (ружье), а я размахиваю руками, кричу: «Дедушка-медведь, зачем ты сюда пришел!»' (ОКЗР 258);
- (5) уд. (Пучк.) *лӧдз(дз)-о* [слепень-Voc]: *Л ö д ь д з о, кор тэ гортад мӧдан?* 'Слепень, когда ты домой собираешься?' (ОКЗР 261);
- (6) уд. (Б.Пыс.) *морт-ӧ* [человек-Voc]: «*Эн ли, бур м о р т ö — шуас ӧрӧл* 'Не стреляй, добрый человек, — скажет орел' (Лыткин 1955 : 64).

Из вокативных суффиксов омонимичны *Px1Sg -ӧ (-э)* и *-öй (-эй)*. Однако изоглоссы омонимичных суффиксов совпадают только частично: совпадение изоглосс посессивного и вокативного суффиксов с экспонентом *-öй (-эй)* отмечается в центральной диалектной зоне коми языка — на территории распространения верхневычегодского, среднесыольского и присыктывкарского диалектов, совпадение изоглосс суффиксов с экспонентом *-ӧ (-э)* — на территории распространения северных и среднесыольского диалектов. Вне омонимии находятся посессивный суффикс *-ым* и вокативный суффикс *-о*. Простое сопоставление экспонентов и ареала распространения вокативных и посессивных показателей наглядно свидетельствует о том, что в коми языке имеются специализированные вокативные формы. Наличие нескольких вокативных показателей в одном диалекте предполагает различие в их функционировании, однако для их точной функциональной характеристики необходим анализ широкого корпуса устной речи. Установление хронологии формирования вокативных суффиксов в условиях отсутствия древних письменных памятников, отражающих язык всех коми диалектов в диахронии, не представляется возможным. Первые письменные памятники, которые датируются XIV—XV вв., а также памятники XVIII в. отражают говор Нижней Вычегды (Лыткин 1952 : 121). Поэтому вокативные суффиксы *-ӧ/-э*, функционирующие в синхронии в нижневычегодском диалекте, демонстрируют прямую преемственность между ранним и современным его состоянием (7, 8, 9).

- (7) *йэн(м)-ӧ* [бог-Voc]: *й э н м ö* (Тр. 2, Л. 211, ЛЕ 162, 4) 'боже', *ай-э* [отец-Voc]: *а й э* (ЛЕ 178) 'отец' (Надпись на иконе «Троица») (Лыткин 1952 : 103);

- (8) *мэзос-о* [господь-Voc]: *Нималанъ тэныдъ мэзосо нималанъ тэныдъ. мэзосо мылышты* 'слава тебе, Господи, слава, Господи помилуй' (Заупокойное Евангелие и Апостол, Список Уднольского. Предположительно вторая половина XVII в.) (Кузнецова 226);
- (9) *ай-э* [отец-Voc]: *Мезосо мылышты. Тенидъ Мезосо. Вежа еймо, вежа черыдо, Вежа култомо мылышты мянды* 'Господи, помилуй. Тебя, господи. Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный, помилуй нас' (Лыткин 1952 : 65).

Суффикс или клитика

В большинстве языков вокативный маркер является не морфологическим компонентом словоформы, а энклитикой, проклитикой или суперсегментным элементом (Даниэль 2005 : 145). Несмотря на то, что в агглютинативных языках, в отличие от флективных, суффиксы и энклитики иногда трудно различить, в случае вокативных показателей коми языка вопрос о морфологической единице не стоит. Вокативные суффиксы в коми языке характеризуются регулярностью, стабильной позиционной характеристикой относительно корневой и словоизменительных морфем, наличием морфонологической связи с корневой морфемой.

Морфологическая структура словоформы в пермских языках типологически не отличается от структуры словоформ других финно-угорских языков: абсолютное большинство словоформ строится по схеме: корень — словообразовательный суффикс — формообразовательный и (или) словоизменительный суффикс. Типична для субстантивных словоформ следующая последовательность морфологических сегментов: корень (основа) P1-Px-Cx ~ корень (основа) P1-Cx-Px. Вокативный показатель всегда занимает конечную позицию в словоформе, отличаясь тем от суффиксов субъективной оценки, которые занимают постпозитивную позицию относительно словообразовательного суффикса и препозитивную относительно словоизменительного суффикса. Вокативный суффикс присоединяется к названию адресата непосредственно или же после суффикса субъективной оценки, реже встречаются словоформы с вокативным и словоизменительным суффиксом — с суффиксом множественности или же посессивности. Ср. структуры словоформ (10, 11, 12, 13, 14).

- (10) корень-Sx:
кӧч 'заяц' — *кӧч-ил'* 'зайчонок', *пи* 'сын' — *пи-ук* 'сыночек';
- (11) корень-Sx-P1-Px2Sg-Dat:
кӧч-ил'-йас-ыд-лы 'твоим зайчатам',
пи-ук-йас-ыд-лы 'твоим сыночкам';
- (12) корень-P1-Voc:
Ныв-йас-ӧй! 'Девушки!'
- (13) корень-Px1P1-Voc:
Йэн-ным-ӧй! 'Бог наш!'
- (14) корень-Px3Sg-Voc:
уд. *Вок-ыс-о* 'Брат его', *Ай-ыс-о* 'Отец его'.

Субстантивная словоформа в коми языке характеризуется наличием четких границ между морфемами и выраженной цепочечной струк-

турой. Однако присоединение к корневой суффиксальных морфем может сопровождаться некоторыми морфонологическими преобразованиями, описанными в литературе (СКЯ 53—55). При присоединении вокативных суффиксов определенные типы корневых морфем претерпевают те же изменения (вставка или же изменение ауслаутного согласного), что и при присоединении словоизменительных суффиксов, ср. словоформы с аккузативным и вокативным суффиксами (15).

- (15) *ныв* 'девушка': *ныл-ӧс* (Akk), *ныл-ӧй* (Voc);
зон 'парень': *зонм-ӧс* (Akk), *зонм-ӧй* (Voc);
пон 'собака': *понй-ӧс* (Akk), *понй-ӧй* (Voc).

Морфологические свойства — стабильная позиция относительно корневой и словоизменительных морфем, морфонологическая связь с корневой морфемой — сближают вокативные суффиксы со словоизменительными.

Вокатив, номинатив и посессивный суффикс

Для практической грамматики финно-угорских языков, в том числе и коми, рассмотрение вокативной функции как одной из функций номинатива и одного из посессивного суффиксов (преимущественно Px1Sg) представляется естественным (ГМЯ 161, 186; ГСУЯ 84, 92; Зайков 1999 : 37; Зайцева 1981 : 178, 228; Керт 1971 : 160; Ромбандеева 1973 : 44, 56; Тужаров 1987 : 65—66, 77). Это можно объяснить тем, что номинатив и вокатив, а также Px1Sg и вокатив обладают некоторыми общими свойствами.

Общим свойством номинатива и вокатива является их способность к прямой номинации (Тираспольский 2003 : 83). Об особом положении в падежной системе номинатива и вокатива писали многие исследователи, начиная с античных. В истории теоретической лингвистики номинатив, как и вокатив, даже исключался из числа падежей как лишенная семантики форма (подробнее см. Клобуков 1986 : 81—83). В основу такой интерпретации номинатива была положена его номинативная функция. «Значение именительного падежа — отсутствие какого-либо отношения, или собственно называние» (ГСРЛЯ 329). Падежные единицы участвуют в выражении грамматических отношений, они отражают смысловые отношения внеязыковой действительности, т. е. характеризуются «вторично-отражательной семантикой». Поэтому «в форме именительного падежа совмещаются функции прямого (номинация) и вторичного (грамматическая связь) отражения внеязыковой действительности» (Тираспольский 2003 : 83). Основная функция вокатива — привлечь внимание адресата посредством его номинации. Для говорящего адресат является элементом коммуникативной ситуации (собеседник) и элементом внеязыковой действительности (человек). Прямая направленность на внеязыковую действительность сближает вокатив с номинативом, но отличает его от падежных единиц, характеризующихся вторично-отражательной семантикой (Тираспольский 2003 : 83).

Общим свойством вокатива и посессивных суффиксов, используемых в обращениях, является экспрессивность. В грамматических описаниях финно-угорских языков отмечается возможность использования

посессивных суффиксов с лексемами, образующими обращение. Номинативная функция таких обращений ослаблена, их выбор определяется не свойствами и особенностями адресата, а субъективным отношением к нему говорящего. Посессивные суффиксы при обращениях не указывают на посессивные отношения, они актуализируют субъективное отношение говорящего к адресату. Субъект речи не только именуется адресата, но и показывает свое отношение к нему. Такие обращения имеют выраженные положительные коннотации.

К о м и я з ы к: «Притяжательные формы «мой» в основной форме часто используются при обращении и в этом случае проникаются ласкательным значением» (Бубрих 1949 : 57).

М а р и й с к и й я з ы к: «В лугово-восточной и горной литературных нормах лично-притяжательные суффиксы 1 и 3 лица ед. числа образуют формы вежливого, почтительного, ласкового обращения» (Тужаров 1987 : 65).

М о р д о в с к и й я з ы к: «Суффиксы притяжательности 1-го лица единственного и множественного числа при терминах родства, используемых в роли обращений, приобретают ласкательное значение» (ГМЯ 186).

У д м у р т с к и й я з ы к: «Притяжательный суффикс 1-го лица единственного числа при словах-обращениях придает им ласкательное значение» (ГСУЯ 84).

Наличие экспрессивности у вокатива считается одним из его отличительных свойств. И. М. Тронский предполагал, что экспрессивность, связанная с функцией обращения, была присуща вокативу с нулевой флексией в индоевропейском языке-основе (Тронский 1967 : 50). Г. И. Тираспольский обратил внимание на замечание польского языковеда А. Хейнца о субъективной функции вокатива, «которая является экспрессивной (как симптом различных эмоциональных состояний говорящего, ср. *боже! о радость!*), выразительной (как призыв к собеседнику, ср. *М а л ь ч и к, дай мне эту книгу!*) или же той и другой вместе (*Я вижу тебя, и з м е н н и к!*)» (Тираспольский 2003 : 83). В формах обращения проявляется переплетение функций привлечения внимания (вокативной) с функцией квалификации адресата речи (номинативной) и отношения к адресату (эмоционально-оценочно-характеризующей).

Вокативные суффиксы в коми языке могут быть присоединены к любому характеризующимся наличием апеллятивного потенциала существительным — одушевленным и неодушевленным (16, 17, 18).

(16) вым. *чэр-ö* [топор-Voc], *зуд(й)-ö* [оселок-Voc]: *Ч е р ö, ч е р ö, öшлы начкы... З у д й ö, з у д й ö, черлы лям* 'Топор, топор, забей быка. Оселок, оселок, затупи топор' (ОКЗР 228—229);

(17) уд. *кыси(й)-о* [кысонька-Voc], *н'ави(й)-о* [мяукалка-Voc], *вэтлыс'-о* [ходящая-Voc], *н'улыс'-о* [лизунья-Voc]: *К ы с и ё, Н я в и ё, Джадж дорти в е т л ы с ё, Выя нянь н ю л ы с ё, Шыртö кутав* 'Кысонька, Мяукалка, Ходящая по краям полок, Лизунья хлеба с маслом, лови мышей' (ОКЗР 260);

(18) нв. (Сл.) *тöлыс'-э* [месяц-Voc]: *Т ö л ы с е, т ö л ы с е, Вай тэ меным öштö* 'Месяц, месяц, Дай ты мне вола' (ОКЗР 11).

Аналогичную сочетаемость имеет и Px1Sg, который может присоединяться к любым лексемам, выражающим обращение, при условии ясности мотивации для адресата. Формальное сходство (экспонентное выражение) и наличие некоторых общих семантических свойств (экспрессивность) посессивных и вокативных суффиксов, на первый взгляд, создает трудности их дифференциации. Однако проведенный нами опрос носителей коми диалектов показал, что семантика омонимичных суффиксов -*ö* (-э) и -*öй* (-эй) в коми языковом сознании четко дифференцируется: суффикс в словоформе, выступающей в роли обращения, осознается как вокативный, вне обращения — посессивный. Так, словоформы *ниöй*, *ёртöй* в позиции обращения носителями сысольского диалекта были переведены на русский язык соответственно как 'сын', 'друг', вне обращения — 'мой сын', 'мой друг', аналогично были интерпретированы и другие предложенные для анализа словоформы. Дифференциация коми языковым сознанием омонимичных суффиксов объясняется тем, что коми, как и все финно-угорские, является агглютинативным языком. Абсолютное большинство грамматических морфем коми языка моносемантичны, т. е. каждая морфема выражает одно грамматическое значение. Поэтому современным языковым сознанием суффикс при обращении осознается как вокативный. Для передачи значения 'мой' в обращении респонденты использовали местоимение *менам* 'мой', употребление которого отмечается преимущественно со словами, выражающими субъективную оценку или имеющими уменьшительно-ласкательный суффикс: *менам дона* 'мой дорогой': *менам дона ёртöй* 'мой дорогой друг', *менам дона шуко́й* 'мой дорогой сыночек', *менам муса сочöй* 'моя любимая сестра'.

Заключение

Итак, имеющиеся в коми диалектах средства выражения вокативности по своим морфологическим и семантическим свойствам обнаруживают близость к словоизменительным суффиксам. Стабильная позиция относительно корневой и словоизменительных морфем, морфонологическая связь с корневой морфемой, эмоционально-экспрессивные коннотации сближают вокативные суффиксы и Px1Sg, первично-отражательный характер семантики — номинатив и вокатив. Однако свойства вокатива, взятые в их целостности, выделяют его на фоне других грамматических единиц, придавая грамматическое своеобразие. Вокатив не имеет аналогов среди падежных и посессивных форм. Поэтому совпадение некоторых экспонентов Px1Sg и вокативных суффиксов и частичное совпадение их изоглосс не дают основания рассматривать их как одну языковую единицу.

Address

Galina Nekrasova
 Institut of Language, Literatur and History of the Komi Research Centre, Syktyvkar
 E-mail: komilang@gmail.com
 Phone: +8212 245088

Сокращения

Acc — аккузатив, **Cx** — падежный суффикс, **Dat** — датив, **P₁** (= **P1**) — суффикс раздельной множественности, **P₂** — суффикс собирательной множественности, **Poss**, **Px** — посессивный суффикс, **Px1** — суффикс 1 лица, **Px3** — суффикс 3 лица, **Sg** — единственное число, **Sx** — суффикс субъективной оценки, **Voc** — вокатив.

Диалекты коми языка: **вв.** — верхневычегодский; **вс.** — верхнесысольский; **вым.** — вымский; **иж.** — ижемский; **нв.** — нижневычегодский; **печ.** — печорский; **скр.** — присыктывкарский; **сс.** — среднесысольский; **уд.** — удорский; **говоры:** **лет.** — летские, **л.** — лузские; **Б.Пыс.** — Большая Пысса, **Важ.** — с. Важгорт, **Пучк.** — с. Пучкома, **Сл.** — с. Слудка, **У.-В.** — с. Усть-Вачерга.

ГМЯ — Грамматика мордовских языков. Фонетика, графика, орфография, морфология, Саранск 1980; **ГСРЛЯ** — Грамматика современного русского литературного языка, Москва 1970; **ГСУЯ** — Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология, Ижевск 1962; **КПЯ** — Коми-пермяцкий язык. Введение, фонетика, лексика и морфология. Учебник для вузов, Кудымкар 1962; **ОКК** — О́ния коми кыв. Морфология, Сыктывкар 2000.

Источники: **ОКЗР** — Образцы коми-зырянской речи, Сыктывкар 1971; **Жилина** — Т. И. Ж и л и н а, Верхнесысольский диалект коми языка, Москва 1975; **Куратов** — И. К у р а т о в, Менам муза, Сыктывкар 1979; **Кузнецова** — З. И. К у з н е ц о в а, Обзор памятников коми письменности XVIII в. (Историко-филологический сборник, вып. 14), Сыктывкар 1958, с. 213—240; **Лыткин 1952** — В. И. Л ы т к и н, Древнепермский язык. Чтение текстов, грамматика, словарь, Москва 1952; **Лыткин 1955** — В. И. Л ы т к и н, Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам (С обзором диалектов и диалектологическим словарем), Москва 1955; **Цембер** — А. Ц е м б е р, Коми мойдан кывъяс, Усть-Сысольск 1913.

ЛИТЕРАТУРА

- Б у б р и х Д. В. 1949, Грамматика литературного коми языка, Ленинград.
В о л о д и н А. П. 1974, Падеж: форма и значение или значение и форма? — Склонение в палеоазиатских и самодийских языках, Москва, 261—291.
Д а н и э л ь М. А. 2005, Вокатив: замечания к типологии. — Четвертая типологическая школа: международная школа по лингвистической типологии и антропологии. Ереван, 21—28 сентября 2005 г. Материалы лекций и семинаров, Москва, 145—147.
Ж и л и н а Т. И. 1975, Верхнесысольский диалект коми языка, Москва.
— 1985, Лузско-летский диалект коми языка, Москва.
— 1998, Вымский диалект коми языка, Сыктывкар.
Ж и л и н а Т. И., Б а р а к с а н о в Г. Г. 1971, Присыктывкарский диалект и коми литературный язык, Москва.
З а й к о в П. М. 1999, Грамматика карельского языка (фонетика и морфология), Петрозаводск.
З а й ц е в а М. И. 1981, Грамматика вепского языка (Фонетика и морфология), Москва.
К е р т Г. М. 1971, Саамский язык (кильдинский диалект). Фонетика. Морфология. Синтаксис, Ленинград.
К л о б у к о в Е. В. 1986, Семантика падежных форм в современном русском литературном языке. Введение в методику позиционного анализа, Москва.
К о л е г о в а Н. А., Б а р а к с а н о в Г. Г. 1980, Среднесысольский диалект коми языка, Москва.
Л ы т к и н Г. С. 1889, Зырянский край при епископах Пермских и зырянский язык. Пособие при изучении зырянами русского языка, Санкт-Петербург.
Л я ш е в В. А. 1985, Верхневычегодский диалектный ареал в этногенетическом аспекте. — Проблемы этногенеза народа коми, Сыктывкар (Труды Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР, вып. 36), 45—53.

- М и к у ш е в Р. А. 1992, Система побудительных средств в коми языке. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Йошкар-Ола.
- Н е к р а с о в а Г. А. 2000, Коми кывлӧн историческӧй фонетика, Сыктывкар.
- П л у н г я н В. А. 2003, Общая морфология. Введение в проблематику, Москва.
- Р о м б а н д е е в а Е. И. 1973, Мансийский (вогульский) язык, Москва.
- С а в в а и т о в П. И. 1850, Грамматика зырянского языка, Санкт-Петербург.
- С а ж и н а С. А. 2004, Сравнительная морфология коми-зырянских диалектов (именные части речи). Ареальный аспект исследования. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Сыктывкар.
- С а х а р о в а М. А., С е л ь к о в Н. Н. 1976, Ижемский диалект коми языка, Сыктывкар.
- С а х а р о в а М. А., С е л ь к о в Н. Н., К о л е г о в а Н. А. 1976, Печорский диалект коми языка, Сыктывкар.
- С о р в а ч е в а В. А. 1978, Нижневычегодский диалект коми языка, Москва.
- С о р в а ч е в а В. А., Б е з н о с и к о в а Л. М. 1990, Удорский диалект коми языка, Москва.
- С о р в а ч е в а В. А., С а х а р о в а М. А., Г у л я е в Е. С. 1966, Верхневычегодский диалект коми языка, Сыктывкар (Историко-филологический сборник, вып. 10).
- Т и р а с п о л ь с к и й Г. И. 2003, Морфолого-типологическая эволюция русского языка, Сыктывкар.
- Т р о н с к и й И. М. 1967, Общеиндоевропейское языковое состояние (Вопросы реконструкции), Ленинград.
- Т у ж а р о в Г. М. 1987, Грамматические категории имени существительного в марийском языке, Йошкар-Ола.
- S j ö g r e n, A. J. 1830, Ueber den grammatischen Bau der sürjanischen Sprache mit Rücksicht auf die Finnische. — Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg. Tome premier, St.-Petersbourg, 149—169.

GALINA NEKRASOVA (Syktyvkar)

VOKATIV ODER POSSESSIVSUFFIX: ÜBER DIE INTERPRETATION DES AUSDRÜCKENS DES KOMISPRACHIGEN VOKATIVS MIT HILFE VON SUFFIXEN

Im vorliegenden Artikel geht es um eine genauere Definition des Status der suffixalen Mittel, die zum Ausdrücken der Vokativität in der Komi-Sprache dienen. Es ist erwiesen, dass in den Dialekten der Komi-Sprache die Suffixe *-ö* (*-э*), *-öü* (*-эӱ*), *-o*, benutzt werden, um den Vokativ auszudrücken. Die beiden Erstgenannten sind homonym zum Suffix der 1. Person. Jedoch unterscheiden sich die Charakterzüge des Vokativs, wenn man diese als Ganzes auffasst, dennoch von diesen homonymen grammatischen Einheiten. Der Vokativ hat weder unter den Kasusformen noch unter den possessivischen Formen analoge Erscheinungen. Deshalb gibt es keinen Grund das teilweise Übereinstimmen der Vokativsuffixe mit den Suffixen der 1. Person Singular so zu interpretieren, als wären diese ein und dieselbe Spracheinheit.